

В.А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛИИ
НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1640—1660 гг.**

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *

В жизни человечества было много политических революций, но по-настоящему великими по своему воздействию на общества, в которых они происходили, и по влиянию на мировую историю можно назвать лишь три из них: английскую 1640—1660 гг., французскую 1789—1794 гг. и русскую 1917—1922 гг. Каждая из этих революций имела только ей присущие особенности, протекала своим специфическим путем и завершалась совсем не так, как другие. Но начало у всех великих революций проходило по одному и тому же сценарию: первым их актом было **саморазрушение исторически сложившейся конструкции верховной государственной власти**. В Англии и Франции непосредственной причиной революционной катастрофы стал конфликт между королем и парламентариями: ее процесс был запущен созывом парламента. В России саморазрушение традиционной верховной государственной власти началось с государственного переворота, организованного масонствовавшими генералами и государственными деятелями с целью отстранения царя Николая II от власти.

Восстания народных масс, стихийные народные движения играли огромную роль в развитии каждой из великих революций, но разворачивались они лишь после краха верховной государственной власти: их нельзя поэтому считать причиной этих революций. Главная тайна всех великих революций сокрыта в тех процессах, которые совершались накануне их в сфере верховной государственной власти, в политической элите общества.

Десятилетия, предшествовавшие революционным событиям, были в Англии временем бурных перемен во всех областях общественной жизни, в том числе и в политической системе. Историки, изучающие английский государственный строй предреволюционного периода, обыкновенно смотрят на него с точки зрения катастрофического для Английского государства революционного будущего. Я попытаюсь взглянуть на этот строй из прошлого, из эпохи «высокого Средневековья» — времени, когда шло формирование его основ.

На протяжении всей названной эпохи английский король выступал преимущественно в качестве сеньора, то есть его власть над поддан-

* Статья первая опубликована: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2006. № 3. С. 3—21.

ными мало отличалась по характеру от власти, которую имел обыкновенный феодал над своими вассалами. «Едва ли он обладал властью, аналогию которой нельзя было обнаружить где-нибудь в другом месте, — писал об английском короле эпохи Средневековья правовед Ф.У. Мэйтланд. — Если он вершит суд над держателями непосредственно от своей персоны (*tenants in chief*), то и его бароны делают то же самое; если он обращается к ним за помощью, то и они будут просить помощи у своих рыцарей; если он имеет право на налог с земли, находящейся в его владении (*if he tallages his demesne land*), то и они могут осуществлять подобное право. Они с трудом удерживаются от объявления войны. Если он наказывает преступников, то это потому, что мир, им установленный, был нарушен, и другие сеньоры (*lords*) часто ведут судебное преследование правонарушителей, которые навлекли на них “позор и убытки” нарушением установленного ими мира»¹.

В учебниках по истории государства и права зарубежных стран понятием «сеньориальная монархия» обозначается государство, существовавшее лишь в определенный период Средневековья — в эпоху так называемой феодальной раздробленности (например, временем существования сеньориальной монархии во Франции считается период с IX до начала XIV в.). В действительности королевская власть в Западной Европе имела элементы власти сеньориальной во все периоды Средневековья. *Сеньориальность монархии — типичная черта феодального государства*. В Англии же монархия была в определенных своих элементах сеньориальной и в начале XVII столетия — вплоть до революции 1640—1660 гг.²

Сеньориальный характер власти короля отражался в титуле, которым его величали подданные. Так, в четвертом из ордонансов, утвержденных Эдуардом II 2 августа 1310 г., закреплялся принцип, согласно которому король должен был жить на свои собственные средства. При этом английский монарх именовался «нашим сеньором королем» — «*Notre seigneur le roi vive de soen*»³. Подобное наименование короля было принято в Англии и в XV в. «*Nostre Seignior le Roy (Our Sovereigne Lord the King)*»⁴, — писал о короле в своем трактате, по-

¹ Pollock F., Maitland F. M. The History of English Law before the Time of Edward I. Second edition. Reissued with a new introduction and select bibliography by S.F.C. Milson. Vol. I. Cambridge, 1968. P. 513.

² Я покажу это в следующей статье по теме «Государственный строй Англии накануне революции 1640—1660 годов».

³ The Statutes of the Realm. Printed by command of His Majesty King George the Third... From original records and authentic manuscripts. In 11 vols. London, 1810. Vol. 1. P. 158.

⁴ Anciennes Loix des François, conservées dans les coutumes angloises, recueillies par Littleton. Nouvelle édition. A Rouen, M. DCC. LXXIX (1779). Tome premier. P. 108.

священном земельном держании, английский юрист сэр Томас Литлтон (*Thomas Littleton* или *Lyttelton*, 1422—1481).

Указанный титул не означал, что королевская власть полностью уравнивалась в средневековой Англии с властью других сеньоров. Особенностью английского землевладения, сложившегося после нормандского завоевания, был принцип «*Z. eenet terram illam de... domino Rege*» (З. держит свою землю от... сеньора короля)». Воплощая его в законодательной форме, Эдуард III в 1349 г. постановил, что «король является всеобщим сеньором и первоначальным собственником всех земель в этом королевстве; и что ни один человек не владеет и не может владеть какой-либо их частью, кроме той, которая опосредованно или непосредственно была получена в качестве дара от него и должна держаться на условии феодальной службы»⁵. Данный принцип, хотя и являлся в действительности лишь фикцией, во многом предопределил характер юридической конструкции и землевладения, и королевской власти в средневековой Англии. Как *всеобщий* или *верховный* сеньор и вместе с тем глава и представитель государства король не мог не иметь наряду с обыкновенными правомочиями, присущими всем сеньорам, некоторых правомочий особого характера. И такие правомочия у короля были: они составляли так называемую «королевскую прерогативу (*privilegium regis*)».

В «Комментариях на Литлтона» правовед Эдуард Кук давал следующее определение этому термину: «*Prærogativa* происходит от слов *præ*, т.е. до-, и *rogare*, то есть спрашивать или требовать заблаговременно, из которых получается *prærogativa*, обозначающая наивысший орган, потому что хотя акт прошел обе палаты, лордов и общин, в парламенте, однако до того, как он станет законом, на него должно быть испрашено или истребовано, или достигнуто королевское согласие, и в этом заключается собственный смысл данного термина. Но юридически он распространяется на все правомочия, преимущества и привилегии, которые закон дает короне... Брэктон (кн. I) в одном месте называет это вольностями (*libertatem*), в другом — королевскими привилегиями (*privilegium regis*); Бриттон (следуя W. I (Первому

⁵ «That the king is the universal lord and original proprietor of all the lands in his kingdom; and that no man doth or can possess any part of it, but what has mediately or immediately been derived as a gift from him, to be held upon feudal services». Эти слова, выражающие фундаментальный принцип английского земельного держания, приводит в «Комментариях к законам Англии» правовед Уильям Блэкстоун, не указывая при этом их источник (*Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Book the second. Oxford, M. DCC. LXVI (1766). P. 51*).

Вестминстерскому статуту. — В. Т.) — правом короля (*droit le roy, jus regium*)⁶ и правом королевской короны (*jus regium coronæ*) и т. д.»⁷.

Подобным же образом определял прерогативу и Уильям Блэкстоун. «Под словом прерогатива, — писал он в своих «Комментариях к законам Англии», — мы обыкновенно понимаем то особое преимущество, которое король имеет относительно и сверх всех других лиц и которое вытекает из обычного порядка *common law* в соответствии с правом королевского достоинства. Оно обозначает в своей этимологии (от *prae* и *rogo*) нечто истребуемое или испрашиваемое до, или в предпочтение ко всем другим. И отсюда следует, что она должна быть по своей природе исключительной и эксцентричной; и может применяться только к тем правам и способностям, которыми король пользуется один в противоположность к другим, но не к тем, которыми он пользуется совместно с какими-либо своими подданными: так как если бы какая-нибудь прерогатива короны могла однажды быть осуществляема совместно с подданным, она не являлась бы более прерогативой»⁸.

Уильям Стаббс отмечал в «Конституционной истории Англии», что «королевская прерогатива не была в своем происхождении вымыслом теоретиков. Она выросла из определенных условий национальной жизни, из которых какие-то существовали до нормандского завоевания, другие были результатом этой великой перемены, третьи явились следствием особенного хода правлений Генриха II и его наследников»⁹.

Значительная часть преимуществ и привилегий, составлявших королевскую прерогативу, существовала в форме обычая, но важнейшие из них оформлялись законодательными актами и судебными решениями. Так, характер обычая имело признававшееся английским обществом вплоть до революции 1640—1660 гг. право короля принуждать лиц, достигших совершеннолетия и владевших земельным участком, который приносил доход в размере не менее 40 ф.ст. в год, принять

⁶ Праву короля специально посвящена глава XIX книги I трактата «Бриттон», которая соответственно называется «О праве короля» (“*De Dreit le Roi*” — в оригинальном тексте, написанном на старофранцузском языке, и “*Of the king’s rights*” — в переводе на английский язык). См.: Britton. The French text carefully revised, with an English translation, introduction and notes, by Francis Morgan Nichols. Oxford, 1865. Vol. 1. P. 69—74.

⁷ Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. The thirteenth edition. London, M. DCC. LXXV (1775). P. 90b.

⁸ Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Book the first. Oxford, M. DCC. LXV (1765). P. 232.

⁹ Stubbs W. The Constitutional History of England in its origin and development. Oxford, M DCCC XCVI (1896). Vol. 2. P. 542.

рыцарское звание или платить штраф за отказ от него¹⁰. Обычаем закреплялась и такая привилегия короля, как «прерогативная опека (prerogative wardship)» над землями, которые держались от него на условии рыцарской службы. Если такой держатель умирал, то король мог взять под свою опеку все земли, державшиеся им на таком условии, в том числе и те, которые он держал не от короля, а от обыкновенных сеньоров¹¹. Великая Хартия Вольностей 1215 г. провозглашала (ст.37) обязательство короля не распространять «прерогативной опеки» на земли, которые держались от него на условии выплаты ежегодной ренты (per feodirfirmam), или отработки (per sokagium), или по обычаям держания в городе-бурге (per burgagium), но при этом никоим образом не ограничивала такого рода опеки в отношении земель, державшихся на условии рыцарской (военной) службы¹².

Среди королевских привилегий, оформлявшихся законодательными актами, можно выделить, например, право короля на *prima seisin*, которое возникало в случае смерти держателя какого-либо участка земли непосредственно от короля. Король в этой ситуации через посредство своего должностного лица вступал во владение *всеми* земельными угодьями умершего держателя, обеспечивая себе тем самым контроль за наследованием землевладений¹³. Королевское владение землей на праве *prima seisin* продолжалось до тех пор, пока наследник

¹⁰ Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. P. 69b.

¹¹ Э. Кук писал о прерогативной опеке в «Комментариях на Литлттона»: «Если человек держал землю от короля посредством рыцарской службы *in capite*, и другие земли от других сеньоров, и умер, оставив несовершеннолетнего наследника, король будет иметь опеку над всеми землями на основании своей прерогативы: и это предоставлено королю общим правом (common law)» (Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. P. 77a).

¹² Великая Хартия Вольностей 1215 г. // (Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Сост. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 335.

¹³ «Это была исключительная прерогатива Короны (exclusive prerogative of the Crown), в которой отказывалось обыкновенным сеньорам, владевшим землей, — отмечается в комментарии к Magna Carta, составленном У. Ш. МакКенни. — Когда держатель от короля умирал, королевское должностное лицо имело правомочие вступить в непосредственное владение и отстранить от него наследника, который не мог прикоснуться к отцовским землям без разрешения от Короны, он вынужден был сначала доказать свой титул посредством специального расследования (by inquest), дать гарантию выплаты любой суммы ренты или других долгов, совершить омаж. Нетрудно увидеть, какую сильную стратегическую позицию все это обеспечивало королю в любых спорах с наследником умершего вассала» (Magna Carta. A Commentary on the Great Charter

умершего держателя не признавал посредством специального обряда (homage) своей вассальной зависимости от короля и не уплачивал в его пользу специальной пошлины, называвшейся термином «relief» (relevium, relevatio, relevamen). Если наследник был совершеннолетним, он мог совершить омаж немедленно после смерти прежнего держателя. Однако в ситуации, когда наследник оказывался малолетним, король сохранял наследуемую землю в своих руках до момента достижения им совершеннолетия¹⁴. В обоих случаях при вступлении в наследство королю уплачивалась, помимо рельефа (relief), определенная денежная сумма. Английский правовед Генри Спелман (Henry Spelman, 1564—1641) писал об этой королевской привилегии: «Если держатель непосредственно от короля (king's tenant in capite) или держатель на условии рыцарской службы (by knight-service) умрет, то король будет владеть его землей до того, как наследник совершит оммаж. Если последний является совершеннолетним, то он может сделать это в текущее время, но если он не достиг совершеннолетия, земля должна будет до этого момента оставаться в королевских руках. И когда один или другой обращается с просьбой о том, чтобы получить ее из рук короля, достижение им этой цели именуется вводом во владение (livery), а доход, полученный тем временем королем, называется его *primer seisin*»¹⁵.

Эдуард Кук отмечал в «Комментариях на Литлтона», что плата королю за *primer seisin* со стороны наследника земли, достигшего в момент смерти прежнего ее держателя совершеннолетия, была равна годовому доходу с нее, а несовершеннолетнего — полугодовому доходу¹⁶. Отсюда очевидно, что право на *prima seisin* было в средневековой Англии весьма значимым элементом королевской прерогативы. Однако, утвердилось оно в английском праве не ранее второй половины

of King John. With an historical introduction by William Sharp McKechnie. Glasgow, 1914. P. 64).

¹⁴ У наследника держания на условиях рыцарской службы совершеннолетие наступало по исполнению ему 21 года, при держании на сокаже — 15 лет, у наследницы — опека могла закончиться по достижении ею 14 лет, поскольку в этом возрасте она могла иметь мужа, способного нести рыцарскую службу. Но если наследница не выходила замуж, то королевская опека над переходящими к ней землями продолжалась до того, как ей исполнялось 16 лет. См.: Magna Carta. A Commentary on the Great Charter of King John. P. 61—62.

¹⁵ Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures by Knight-Servece in England. London, 1641. P. 30. Правоведы Г. Спелман и Э. Кук называли термином «*primer seisin* (*prima seisin*)» денежную сумму, уплачиваемую наследником умершего держателя от короля при вступлении во владение землей. В действительности же *prima seisin* — это в первую очередь специальная процедура, посредством которой король обеспечивал свои права при наследовании земли в случае смерти лица, державшего от него землю.

¹⁶ Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; or, A Commentary upon Littleton. P. 77a.

60-х годов XIII в. Из содержания Великой Хартии Вольностей 1215 г. можно сделать вывод, что в начале указанного столетия английское общество не признавало за королем этого права. По всей видимости, и позднее попытки осуществления его королем вызывали отрицательное отношение со стороны держателей земельных участков. Именно поэтому право короля на *prima seisin* смогло утвердиться в Англии только посредством закрепления его в законодательстве. Оно было предусмотрено Мальбриджским Статутом (*Statutum de Marlebridge*), принятым на 52-м году правления Генриха III (1267 г.)¹⁷. В статье 16 данного законодательного акта говорилось: «Что же касается наследников, которые держат землю непосредственно от господина короля, то должно быть соблюдаемо, чтобы господин король первым имел на нее сезину, как это было по обыкновению прежде»¹⁸.

¹⁷ Мальбридж (*Marlebrigius, Marlebridge*) — селение, располагавшееся в северной части Англии. Итальянский историк Полидор Вергилий (*Polydorus Vergilius*, 1470—1555) упоминал о нем в своей хронике «*Anglicae historiae*» (liber XII. 11) как о месте, где располагался замок Мальбридж. При этом он отмечал, что «Мальбридж — это селение в графстве Вильсерия (на англ.: Wiltshire. — В. Т.), которое сегодня называется Мальмсбери (*est enim Marlebrigius pagus in Wilceria comitatu, quam hodie vocant Malmisburiam*). В 1189 г. король Иоанн I совершал в этом месте церемонию вступления в брак с графиней Изабеллой, а в 1199 г. короновался на английский престол. Брачная церемония Генриха III также проходила в этом месте. В 1267 г. он собрал здесь вместе со своим сыном Эдуардом представителей различных сословий английского общества, как высших, так и низших, и издал с их согласия целую серию постановлений (*provisiones*), ординансов (*ordinationes*) и статутов (*statuta*) с целью, как об этом было заявлено в преамбуле к ним, «улучшения управления Англией» и «совершенствования процесса отправления королевского правосудия». Основу принятых законов составили Уэстминстерские провизии 1259 г. с теми изменениями и дополнениями, которые были сделаны в них в 1263 и 1264 гг. Созданный в результате этого обширный (из 30 глав) законодательный свод получил название *Statutum de Marlebridge*. Английские правоведы начала XVII в. ставили его в ряд самых авторитетных законодательных актов Англии. Правда, в связи с тем, что городок, в котором он был принят, сменил к тому времени свое название на Мальбара (*Marleborough*), данный статут чаще стали именовать Мальбараским статутом (*Statute of Marlborough*). Именно под этим наименованием он будет включаться во все последующие сборники статутов Английского королевства. См. его текст в издании: *The Statutes of the Realm. Printed by Command of His Majesty King George the Third... From Original Records and Authentic Manuscripts. London, 1810. Vol. 1. P. 20—25*. А также в издании: *The Statutes: Revised edition. Vol. 1. London, 1870. P. 6—15* (здесь он напечатан на двух языках — латинском и английском — и под названием: «*Statutum de Marleberge (The Statute of Marlborough)*»). Комментарий Э. Кука к Мальбриджскому (Мальбараскому) статуту был опубликован во второй части его «Институций»: *Coke E. The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the exposition of many ancient and other statutes. London, M. DCC.XCVII (1797). P. 101—154*.

¹⁸ «*De hæredibus autem, qui de domino rege tenent in capite, si observandum est, ut dominus rex primam inde habeat seisinam, sicut prius inde habere consuevit*» (*Statutum*

Позднее право английского короля на *prima seisin* было записано в документе под названием «О королевской прерогативе (*De Prerogativa Regis*)», специально посвященном изложению королевских правомочий, привилегий и преимуществ. Он был создан предположительно в первое десятилетие правления Эдуарда I (1272—1307) и представлял собой либо инструкцию, в которой король сообщал своим вассалам или судьям о правах, вытекавших из его статуса верховного сеньора и монарха, либо трактат какого-либо частного лица¹⁹. В период правления Эдуарда III (1327—1377) этот документ стал называться статутом²⁰, но такой взгляд на него не сделался преобладающим среди английских юристов ни в XIV, ни в XV в.²¹ Тем не менее, когда в Англии начали издавать печатные сборники старинных статутов²², среди них, как правило, помещали в качестве такого рода юридических актов и «*De Prerogativa Regis*». А поскольку для статутов обязательным признаком являлось наличие даты принятия, то и указанный документ, ранее обозначавшийся как не имеющий какой-либо даты, сочли необходимым приписать к определенному времени. Таковым был назначен 17 год правления Эдуарда II или 1324 г.²³

Права и привилегии короля, изложенные в так называемом «Статуте о королевской прерогативе», сохраняли юридическую силу вплоть до революции 1640—1660 гг. В 1548 г. английский юрист Уильям

de Marlebridge // Coke E. The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the exposition of many ancient and other statutes. P. 134).

¹⁹ Maitland F. M. The «*Prerogativa Regis*» // English Historical Review. 1891. Vol. 6. № 22. P. 372.

²⁰ В частности, документ «*De Prerogativa Regis*» назван статутом в записи судебных дел (Year book) за 43 год правления короля Эдуарда III (1370 г.). См.: McGlynn M. The Royal Prerogative and the Learning of the Inns of Court. Cambridge, 2003. P. 7.

²¹ «О нем нельзя говорить как о статуте», — писал об этом документе, например, правовед Томас Литлтон.

²² Первый печатный сборник статутов Английского королевства был изготовлен в 1481 г. Джоном Леттау (John Lettou) и Уильямом де Маклиния (William Machlinia). Он вышел в свет в сокращенном виде, что отражалось и в его названии «*Vieux Abridgement des Statutes*». Более полные сборники английских актов стали печататься в Англии с 1534 г.

²³ Впервые эта дата была приписана представленному в качестве статута документу «*De Prerogativa Regis*» в сборнике английских статутов, изданном в 1529 г. (*Magna Carta in French*) wherunto is added more statut[es] than euer was imprinted in any one boke before this tyme : with an alminacke & a calender to know the mootes : necessarye for all yong studiers of the lawe. Imprinted at Lond[on] in Fletestrete by me Robert Redman dwellynge at the sygne of the George, nexte t[o] Saynt Dunstones church, M.CCCC.XXIX (1529). Folio 98).

Стонфорд (*William Staunford* или *Stamford*, 1509—1558)²⁴ создал на основе этого документа, а также на материале книги судьи Энтони Фитцгерберта (*Antony Fitzherbert*, 1470—1538)²⁵ «Великий абриджмент (*La Graunde Abridgement*)»²⁶ трактат «Описание королевской прерогативы (*An exposition of the kinges prerogative*)». Данный трактат вышел в свет первым изданием в 1567 г.²⁷ и в последующем многократно переиздавался (в 1568, 1573, 1577, 1590, 1607 и т.д.). В нем описывались не все элементы королевской прерогативы, сформировавшиеся в предыдущие столетия, но лишь главнейшие из них — как правило, те исключительные правомочия, которые король как верховный сеньор имел относительно своих держателей (прерогативная опека, право на *prima seisin*, выдача разрешения на отчуждение земельных участков, опека над землями умалишенных и др.).

Произведение Уильяма Стонфорда о королевской прерогативе подвело итог средневековой эволюции этого правового института. Оно появилось вскоре после того, как в Англии были осуществлены государственные преобразования, серьезно изменившие характер королев-

²⁴ С 1554 г. Уильям Стонфорд являлся судьей Суда Общих Тяжб (*Common Pleas*) и Королевской Скамьи (*King's Bench*). В дневнике его современника Генри Мачина содержится следующая запись о его смерти: «*Sir William Staunford knight, one of the kinges and the quenes maties justyces of the common banke, dysseased the xxvijth. August An^o Dⁿⁱ 1558*» (*The Diary of Henry Machyn: Citizen and Merchant-Taylor of London (1550—1563)*. L., 1848. P. 172).

²⁵ С 1510 г. Энтони Фитцгерберт занимал должность служащего в королевском суде, обозначавшуюся термином «*serjeant-at-law*», с 1521 г. он являлся судьей Суда Общих Тяжб (*Common Pleas*).

²⁶ Термином «*abridgment*», который переводится на русский язык словом сокращение, английские правоведы обозначали юридические произведения, содержавшие краткое изложение судебных дел. «Великий абриджмент» Энтони Фитцгерберта занимает особое место в истории английской юриспруденции: это произведение было первой попыткой систематического изложения «общего права (*common law*)» Англии. Первое его издание было напечатано в трех частях в 1514—1516 гг. *Fitzherbert A. La Graunde Abridgment. Premier part* / Ed. by John Rastell. Westminster, 1514; *Fitzherbert A. La secounde part[ie] du Graund abridgement* / Ed. by Wynken de Word. Westminster, 1516; *Fitzherbert A. La Graunde Abridgment. Troisième partie* / Ed. by Wynken de Word. Westminster, 1516. На титульном листе третьей части отсутствует название, вместо него внизу листа написано, что данная книга содержит собрание всех судебных дел, записанных в годовых книгах (*years books*) до 21 года правления Генриха VII и во времена правлений Ричарда II, Эдуарда I и II и Генриха III, а также большое количество толкований и оригинальных документов, нигде до сих не обнаруживавшихся.

²⁷ *An exposition of the kinges prerogative collected out of the great Abridgement of Iustice Fitzherbert, and other olde writers of the lawes of Englande by the right worshopful sir William Staunford Knight, lately one of the iustices of the Queenes Maiesties court of comon pleas: whereunto is annexed the proces to the same prerogative appertaining.* L., 1567. Право короля на *prima seisin* описывается на с. 11b названного трактата.

ской власти. Королевская прерогатива, развивавшаяся прежде, главным образом, посредством расширения *количества* королевских привилегий и преимуществ, должна была теперь претерпеть *качественные* перемены, чтобы соответствовать новому положению короля в английском обществе, установленному церковной реформой Генриха VIII.

Эта реформа была юридически оформлена целой серией законодательных актов. Важнейшими среди них стали Акт об ограничении апелляций (Act in Restraint of Appeals) 1533 г.²⁸ и Акт о верховенстве (Supremacy Act) 1534 г.²⁹. Первый из названных актов признавал Английское королевство империей, управляющейся королем, который имеет статус императора, облеченного Всемогушим Богом всей полнотой власти, привилегией, полномочием, прерогативой и юрисдикцией отправлять правосудие и выносить окончательное решение, касающееся всех резидентов или подданных в рамках этого королевства, по всем делам, предметам, спорам, возникающим в его пределах, без того, чтобы какие-либо иностранные монархи или власти мира ограничили или отменили данное решение³⁰. Согласно же Акту о верховенстве 1534 г., короля и каждого из его наследников было предписано принимать, признавать и считать единственным верховным главой церкви Англии, называемой «Anglicana Ecclesia (Англиканская Церковь)»³¹.

²⁸ Полное название этого документа: «Акт о том, чтобы апелляции по таким делам, по которым их было принято подавать папскому престолу, применялись отныне только в пределах этого королевства (An act that the appeals in such cases as have been used to be pursued to the see of Rome shall not be from henceforth had nor used but within this realm)».

²⁹ Полное название этого документа: «Акт, касающийся того, чтобы его королевское величество был верховным главой Церкви Англии и имел полномочие осуществлять в ней реформу и исправлять все ошибки, ереси и злоупотребления (An act concerning the king's highness to be supreme head of the Church of England and to have authority to reform and redress all errors, heresies, and abuses in the same)».

³⁰ Дословно в Акте об ограничении апелляций 1533 г. говорилось об этом следующее: «Where, by divers sundry old authentic histories and chronicles, it is manifestly declared and expressed that this realm of England is an empire, and so hath been accepted in the world, governed by one supreme head and king having the dignity and royal estate of the imperial crown of the same, unto whom a body politic, compact of all sorts and degrees of people divided in terms and by names of spirituality and temporality, be bounden and owe to bear next to God a natural and humble obedience; he being also institute and furnished by the goodness and sufferance of Almighty God with plenary, whole, and entire power, pre-eminence, authority, prerogative, and jurisdiction to render and yield justice and final determination to all manner of folk residents or subjects within this his realm, in all causes, matters, debates, and contentions happening to occur, insurge, or begin within the limits thereof, without restraint or provocation to any foreign princes or potentates of the world...» (Act in Restraint of Appeals, 1533 / Statutes of the Realm. L., 1817. Vol. III. P. 427).

³¹ Дословно об этом в Акте о верховенстве 1534 г. говорилось следующее: «...Be it enacted by authority of this present parliament that the king, our sovereign

Из текста Акта об ограничении апелляций 1533 г. видно, что статус империи не считался тогда для Английского королевства новым. В первых его строках отмечается, что это королевство торжественно объявлялось и называлось «империей» в различных «старинных достоверных историях и хрониках», и таковым оно было признано в мире, то есть управляющимся «одним верховным главой и королем, имеющим достоинство и королевский статус императорской короны» Англии. Эти слова выражали не идеологический миф, лишенный реального содержания, но отражали историческую действительность.

В англосаксонскую эпоху английской истории императорское звание принимали на себя такие короли, как Эдред (*Edred* или *Eadred*, 946—955)³², правивший вслед за ним Эдвиг (*Eadwig* или *Eadwy*, 955—959)³³, затем Эдгар I (*Edgar I*, 959—975)³⁴, а впослед-

lord, his heirs, and successors, kings of this realm, shall be taken, accepted, and reputed the only supreme head in earth of the Church of England called Anglicana Ecclesia, and shall have and enjoy, annexed and united to the imperial crown of this realm, as well the title and style thereof as all honours, dignities, pre-eminences, jurisdictions, privileges, authorities, immunities, profits, and commodities to the said dignity of supreme head of the same Church belonging and appertaining...» (Supremacy Act, 1534 / Statutes of the Realm. L., 1817. Vol. III. P. 492).

³² Императорским титулом король Эдред величался, например, в грамоте 949 г., которой он жаловал своему военачальнику — дуксу (*dux*) Утреду (*Uhtred*) — землю в Бэйкуэле (графство Дерби). «*Eadred rex rite Anglorum gloriosissimus rectorque Nophanhimbra et paganorum imperator Brittonumque* (Эдред, король по обычаю славнейших англов, правитель нортумбрианцев и язычников, император бриттонцев)», — говорилось в этом документе. В грамоте того же года о пожаловании земли воину (*miles*) по имени Ульфкете (*Ulfkete*) Эдред именовался титулом «*rex Ængulsæxna ond Norðhymbra imperator paganorum gubernator Brittonumque* (король англо-саксов и нортумбрианцев, император язычников, правитель бриттонцев)». Подобным титулом Эдред назывался (вплоть до самой своей смерти) и в других документах такого рода. В грамоте 948 г. о пожаловании земли церкви св. Петра и Павла в Винчестере Эдред представал как «*basileus Anglorum* (басилевс англов)», в грамоте же 949 г. о пожаловании земли Кентерберийскому кафедральному собору он выступал как «*rex divina gratia totius Albionis monarchus* (король божьей милостью всех альбионцев монарх)». Оба этих титула имели императорское значение, хотя термин «*imperator*» в них отсутствовал.

³³ Императорский титул Эдвиг унаследовал от Эдреда, поэтому он также звался «*rex nutu Dei Angulsæxna et Northanhumbroorum imperator paganorum gubernator Breotonumque* (волей Бога король англо-саксов и нортумбрианцев, император язычников, правитель бреотонцев)» (цит. по: Hemingi Chartularium Ecclesiae Wigorniensis / Ed. by T. Hearne. Oxford, 1723. Vol. 1. P. 333).

³⁴ В грамоте о пожаловании земли своему «верному слуге Брихтноту», датируемой 967 г., Эдгар именуется как «*munificentia basileos Anglorum et rex atque imperator sub ipso domino regum et nationum infra fines Britanniæ commorantium* (благотворительный базилевс англов и король, а также император и само собой

ствии и Кнут Великий (*Cnut* или *Canut the Great*, на датском: *Knud de Store*, 1016–1035)³⁵. Но самым первым из англосаксонских королей титул императора примерил на себя правитель королевства Мерсия (*Mercia*, на староангл.: *Mierce*) Коевульф (*Coenwulf*, 796–821)³⁶. Посредством императорского звания англосаксонские короли стремились закрепить свою власть над чужими племенами и возвыситься над другими королями.

Титулы королей, правивших в Англии в эпохи после нормандского завоевания, поначалу отражали племенной характер их власти. Так, Вильгельм I (1066–1087) — герцог Нормандии, захвативший в 1066 г. английский королевский престол — именовался в документах титулом «*Willelmus Dei gratia Rex Anglorum Dux Normannorum* (Вильгельм, Божьей милостью Король англов, герцог норманнов)»³⁷, но чаще просто как «*Rex Anglorum*»³⁸. Вильгельм II (1087–1100) писался как «*Dei gratia Rex Anglorum*» (титул герцога норманнов унаследовал от Вильгельма I его старший сын — Роберт).

Генрих I (1100–1135) с 1121 г. Носил титул «*Henricus Dei gratia Rex Anglorum et dux Normannorum* (Генрих, Божьей милостью король

господин королей и народов, в пределах Британии обитающих)» (*Hemingi Chartularium Ecclesiae Wigorniensis*. P. 371). В грамоте 970 г. о пожаловании земельного участка вдове и монахине по имени Элфсуит (*Ælfswith*) Эдгар величает себя титулом «*divina alubescente gracia tocius Albionis imperator augustus* (всеблагой божественной милостью августейший император всех альбионцев)». Симеон из Дурхама в своей хронике «*Historia regum Anglorum et Dacorum*», посвященной англосаксонским монархам, только короля Эдгара назвал императором. «Император англианского мира, цветок и слава предшествовавших королей, миролюбивый король Эдгар, не менее памятный для англов, чем Ромул для римлян, Кир для персов, Александр для македонцев, Арзац для парфян или Карл для франков, завершив все королевские дела, покинул этот мир в возрасте тридцати двух лет», — отметил он в записи, датированной 975 годом (*Simeon of Durham. A History of the Kings of England / Translated from the Latin by J. Stevenson. Dyfed, 1987. P. 94*).

³⁵ «*Ego denique Imperator Knuto, a Christo Rege Regum regiminis Anglici in Insula politus*», — писал король Кнут о себе в одной из грамот (*Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Conditum a Carolo du Fresne Domino du Cange auctum a monachis ordinis S. Benedicti cum supplementis integris D. P. Carpenterii adelungii, aliorum, suisque digessit G. A. L. Henschel sequuntur glossarium gallicum, tabulæ, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova. Niort, 1885. Tomus quartus. P. 304*).

³⁶ «*Ego... rector et imperator Merciorum regni* (Я... правитель и император королевства Мерсии)», — назвал себя Коевульф в 798 г. в грамоте о пожаловании земли своему военачальнику — дуксу (*dux*) Освульф (*Oswulf*).

³⁷ См.: *Observations sur les Loix d'Edouard le Confesseur // Anciennes Loix des François, ou additions aux remarques sur les coutumes angloises. Recueillies par Littleton; Avec les Pieces justificatives des principaux points d'histoire et Jurisprudence traités dans ces Remarques. Par M. Houard. Nouvelle edition. A Rouen, M. DCC. LXXIX (1779). Tome seconde. P. 133.*

³⁸ См.: *Haskins Ch. H. Norman institutions. Cambridge, 1918. P. 285.*

англов и герцог норманнов)»³⁹. Но в некоторых документах последних лет своего правления именовался «королем Англии» («Henricus Dei gratia Rex Anglie dux Normannorum») ⁴⁰. Его преемник Стефан I (1135—1154) также назывался иногда титулом «Божьей милостью Король Англии (Dei gratia Rex Anglie)» ⁴¹.

В период правления Генриха II (1154—1189) и Ричарда I (1189—1199) термин «Rex Anglie», указывавший на территориальный характер королевской власти, еще не вытеснил окончательно из королевского титула словосочетание «Rex Anglorum», которое отражало *племенную* ее основу. В одних документах Генрих II именовался как «Henricus Dei gratia Rex Anglorum Dux Normannorum et Aquitanorum Comes Andegavorum (Генрих, Божьей милостью Король англов, Герцог норманнов и аквитанцев, Граф анжуйцев)» ⁴², в других — как «Henricus Dei gratia Rex Angliæ Dux Normanniæ et Aquitaniæ Comes Andegaviæ (Генрих, Божьей милостью Король Англии, Герцог Нормандии и Аквитании, Граф Анжу)». Последний вариант его титула приводится, например, в документе под названием «Carta Libertatum Angliæ (Хартия Вольностей Англии)» ⁴³.

Подобным же образом и король Ричард I величался как титулом племенного короля — «Ricardus Dei gratia Rex anglorum Dux Normannorum et Aquitanorum Comes Andegavorum (Ричард, Божьей милостью Король англов, Герцог норманнов и аквитанцев, Граф анжуйцев)», так и короля, властвующего над определенными территориями. В последнем случае его титул имел следующий вид: «Richardus Dei gratia Rex Anglie, Dux Normanniæ et Aquitaniæ, Comes Andegaviæ (Ричард, Божьей милостью Король Англии, Герцог Нормандии и Аквитании, Граф Анжу)» ⁴⁴.

Только в период правления Иоанна I (1199—1216) в качестве единственного варианта королевского титула утвердилась формула,

³⁹ Notification by Henry, that with the advice of the archbishops Canterbury and Rouen and bishops and abbots he has decided the controversy between Savigny and Saint-Etienne of Caen concerning Mortain (Ibid. P. 294).

⁴⁰ Grant of the Chapter of Rouen of rights in the forest Aliermont / Ibid. P. 305.

⁴¹ Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ // Anciennes Loix des François, ou additions aux remarques sur les coutumes angloises. Recueillies par Littleton. P. 242.

⁴² Последний титул приведен в документе под названием «Charta Ricardi Regis Anglie de libertatibus Willielmo Scottorum Regi concessis» (Ibid. P. 315).

⁴³ Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ. P. 262.

⁴⁴ Такой титул приводится в документе под названием «Charta Richardi Regis Angliæ de libertatibus Willielmo Scottorum Regi concessis» (Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ. P. 315).

соответствовавшая территориальному характеру государственной власти. Иоанн именовался в документах исключительно в качестве короля и сеньора, обладающего властью над определенными территориями, а именно: как «Johannes Dei gratia Rex Angliæ Dominus Hiberniæ Dux Normanniæ et Aquitanniæ Comes Andegaviæ (Иоанн милостью Божьей Король Англии, Сеньор Ирландии, Герцог Нормандии и Аквитании, Граф Анжу)»⁴⁵.

И в дальнейшем титулы английских королей выступали, как правило, в такой форме, которая соответствовала территориальному характеру их власти. Но в некоторых документах использовалась архаичная формула «Rex Anglorum». Так, например, Генрих III иногда именовался как «Henricus Dei gratia Rex Anglorum (Генрих, Божьей милостью Король Англов)»⁴⁶. Эдуард I величался как «Edwardus Dei gratia rex Anglie dominus Hibernie et dux Aquitanie (Эдуард, Божьей милостью король Англии, сеньор Ирландии и герцог Аквитании)». Титул Эдуарда III писался до 1340 г. на французском языке как «Edward par le grace de Dieu, Roi d'Engleterre, Seigneur d'Irlande et d'Aquitaine (Эдуард, милостью Бога, король Англии, сеньор Ирландии и Аквитании)», а на латыни — «Edwardus, Dei gratia rex Anglie, dominus Hibernie et Aquitanie». После того, как этот английский монарх объявил себя еще и королем Франции (16 апреля 1340 г.), он стал титуловаться как «Edwardus Dei gracia Rex Francie et Anglie et Dominus Hibernie»⁴⁷.

Правившие в Англии после Эдуарда III короли Ричард II (1377—1399), Генрих IV (1399—1413) и Генрих V (1413—1422) носили такой же титул: каждый из них именовался в документах как «par la grace de Dieu, Roy d'Engleterre et de France, et seigneur d'Irlande (Dei Gratia Rex Franciæ et Angliæ et Dominus Hiberniæ)»⁴⁸.

⁴⁵ Constitutio Regis Johannis de feodis magni Sigilli. A. D. 1199 // Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ. P. 348. Подобная формула королевского титула Иоанна I прописана и во всех документах этого короля, напечатанных в собрании старинных статутах Английского королевства, составленном правоведом господином Генри Спелманом (Domini Henrici Spelmanni Codex Legum Veterum Statutorum Regni Angliæ. P. 351, 352, 353, 367, 368, 369, 372, 373, 376, 377, 378, 379), в том числе и в тексте Великой Хартии Вольностей (Ibid. P. 382, 396).

⁴⁶ Ibid. P. 426.

⁴⁷ Звание герцога Аквитании в этом титуле уже не указывалось, поскольку поглощалось более высоким званием короля Франции.

⁴⁸ Генрих V после заключения 20 мая 1420 г. брака с дочерью французского короля Карла VI и подписания с ним на следующий день в Труае (Troyes) специального договора получил право наследовать королевский престол Франции, и слова «король Франции» были в его титуле заменены, согласно ст. 22 договора на словосочетание «наследник Франции (hæres Franciæ)» (Les grands traits de la guerre de cent ans / Publié par E. Cosneau. Paris, 1889. P. 110). Стать королем Франции на основании Труаенского договора Генриху V не удалось — 31 августа 1422 г. он умер. Карл VI пережил его на 50 дней.

Титулом императора — «*Romanorum Imperator*» — величался в Средние века глава Священной Римской империи, избиравшийся германскими курфюрстами. Это звание было весьма привлекательным для английских королей, и некоторые из них стремились любой ценой получить его⁴⁹, но все их усилия оказывались напрасными, поскольку Англия не входила в состав указанного политического образования. Между тем каждый из английских королей вполне мог в то время последовать англосаксонской политической традиции и объявить себя английским императором, однако никто из них (за исключением разве что короля Стефана I⁵⁰) не принял данного титула (во всяком случае, официально, на основании какого-либо законодательного акта, как это сделал впоследствии Генрих VIII)⁵¹.

Наиболее подходящим объяснением такой позиции королей является, на мой взгляд, то, что в условиях XII—XV вв. титул английского императора никакого дополнительного политического веса к их королевскому титулу добавить не мог. Доминировавшее в политической идеологии Западной Европы раннего Средневековья воззрение на императора как на властителя, который возвышается над королями и способен управлять всем, обитающим под солнцем, встречало поддержку и у некоторых идеологов «высокого

⁴⁹ Ричард II, например, в своем стремлении добиться провозглашения себя императором Священной Римской империи тратил огромные суммы из королевской казны на подкуп германских магнатов. См. об этом: *Tout T.F. Charters in the administrative history of medieval England. The wardrobe, the chamber and the small seals. Vol. 4. Manchester, 1928. P. 47.*

⁵⁰ «*Stephanus rex Anglorum Imperatorem*» — такая запись содержится в одной из грамот короля Стефана, датированной 1136 г. См.: *Glossarium mediæ et infimæ latinitatis... Niort, 1885. Tomus quartus. P. 304*

⁵¹ Историк Джон Гай в статье «Томас Кромвель и интеллектуальные начала генрицианской революции» утверждает, что императорский титул «был принят Эдуардом I, Ричардом II и Генрихом V». Но при этом он не дает никаких ссылок на материалы, показывающие, что такие случаи действительно имели место (*Guy J. Thomas Cromwell and the intellectual origins of the henrician revolution // <http://www.johnguy.co.uk/history.php?&content=intellectual.html>*). Я пытался найти хотя бы одно сообщение о принятии императорского титула названными королями в документах XIII—XV вв., в том числе в собрании официальной переписки английских властителей с иностранными императорами, королями, понтификами под названием «*Фоэдера*» (*Foedera. Conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates, ab ingressu Guilemi I in Angliam ... ad nostra usque tempora, habita aut tractate / Ed. by Thomas Rymer & Robert Sanderson. Additions and corrections by Adam Clarke and Frederick Holbrooke.: London: Record Commissioners, 1816—1869 / <http://www.anglo-norman.net/cgi-bin/xpr-texts?target=339&file=/and-prod/texts/foedera1.xml>*), но не сумел обнаружить в них никаких свидетельств, подтверждающих высказывание английского историка.

Средневековья». Его выражал, в частности, профессор римского права в университете г. Болоньи Одофредус (*Odofredus de Denariis*, ? — 1265), писавший в своем комментарии к Дигестам Юстиниана, что «принцепс римский потому именуется императором, что должен обладать властью над всем существующим под солнцем»⁵². Это воззрение поддерживалось, естественно, и самими императорами Священной Римской империи. Фридрих II заявлял в одной из своих конституций: «Славен в величии своей властности повелитель, чье правление составляет и укрепляет империум... И если мы стоим над королями и королевствами, то возвышаемся только в императорстве»⁵³. Высказывали мысль о верховенстве императорской власти над королевской и некоторые канонисты. «Поистине один есть император над всеми королями, и все народы находятся под ним»⁵⁴, — писал в «Комментарии» на Декреталии итальянский канонист XIII в. Хостиенсис⁵⁵. Однако значительно более распространенным в западноевропейской политической идеологии XII—XV вв. было мнение о том, что титул императора не дает его носителю власти над королями.

В 1202 г. это мнение высказал в письме к графу Гильому де Монпелье (*Comte Guilhelm или Guillaume de Montpelier*) папа Иннокентий III. Граф просил понтифика узаконить его незаконнорожденного сына с тем, чтобы тот мог унаследовать графский титул и владения своего отца. При этом он ссылался на аналогичный случай с королем Франции Филиппом II Августом. Иннокентий III (*Innocentius III*, 1198—1216) отказал графу в его просьбе, написав в обоснование отказа: французский король «не признает какой-либо светской власти над собой, но он может без ущемления прав других, подчиниться нашей юрисдикции»⁵⁶. Это послание Иннокентия III в 1230 г. Было включено

⁵² «Quia principes Romanorum vocatur Imperator: quia ipse est qui omnibus subsistentibus sub sole debet posse imperare potest quantum ad temporalia».

⁵³ «Gloriosus in majestate sua dominantium dominus qui regna constituit et firmavit imperium... Ad hoc nos supra reges et regna præposuit, et in imperiali solio sublimavit» (цит. по: *Carlyle R.W., Carlyle A.J. A History of Medieval Political Theory in the West. Vol. V. The political theory of the thirteenth century. Edinurgh and London, 1950. P. 142.*

⁵⁴ «Unus enim est imperator super omnes reges et omnes nationes sub eo sunt» (цит. по: *Ibid. P. 143*).

⁵⁵ Его настоящее имя — *Henricus de Seguiso*, а *Hostiensis* — это прозвище, данное ему по названию расположенного близ устья реки Тибр города Ости, в котором он был кардиналом-епископом.

⁵⁶ «Insuper quum rex *ipse* superiorem in temporalibus minime recognoscat, sine iuris alterius læsione in eo se iurisdictioni nostrae subiicere potuit et subiecit» (*Decretales D. Gregorii papæ IX. Romæ, M. D. LXXXII (1582). P. 1543—1544.* Каждая страница данного издания обозначена двумя цифрами, одна из которых

в качестве декреталия «Per venerabilem»⁵⁷ в состав «Decretales D. Gregorii papæ IX. В 1234 г. папа Григорий IX (*Gregorius IX*, 1227—1241) своей буллой «Rex pacificus» придал этому собранию декреталиев силу канонического закона. В 1253 г. папа Иннокентий III (*Innocentius III*) назвал «Декреталии папы Григория IX» «Сводом канонического права (*Corpus Juris canonici*)»⁵⁸. В самом полном варианте этого свода, который стал с 80-х гг. XVI в. издаваться в печатном виде, декреталий «Per venerabilem» вошел, как и весь сборник «Декреталиев папы Григория IX», в книгу «Liber extra». Таким образом, правило, согласно которому король не подчиняется императору, но может подчиниться только папе, было закреплено в качестве принципа канонического права.

Испанский монарх Альфонсо X Мудрый (*Alfonso X el Sabio*, 1252—1284), правивший как король Кастилии и Леона, считал королевскую власть даже более весомой, чем власть императора. В правовом сборнике «Семь партид (*Las siete partidas*)», который составил под его наблюдением около 1265 г. юрист Якобо Руис, статусу императора и короля была посвящена специальная глава (*partida segunda, titulo 1: emperadores, reyes y grandes señores*). «Титул императора, — говорилось в ее первом законе (*ley 1*), — обладает высоким достоинством и знатностью и честностью по сравнению со всеми другими, которые могут иметь люди в этом преходящем мире... И мудрецы также говорят, что император является наместником Бога и осуществляет в империи правосудие в светских делах точно таким же образом, как это делает папа в делах духовных»⁵⁹. В пятом же законе (*ley 5*) подобные качества приписывались королю. Он также назывался «наместником Бога, «стоящим над людьми для поддержания правосудия и истины по отношению к делам светским точно таким же образом, как это делает император в своей империи»⁶⁰.

Восьмой закон (*ley 8*) гласил: «Мудрость состоит в том, что вся та власть, которую, как прежде говорилось, императоры

расположена слева, другая — справа. Тексты декреталиев расположены в середине страницы.

⁵⁷ «Per venerabilem» — это слова, с которых начинается текст этого декреталия.

⁵⁸ Словосочетание «*Corpus Juris Canonici*» первоначально применялось для обозначения собрания «Декретов Грациана (*Decretum Gratiani*). *Liber extra: Materiae singulares, quae in variis decretalium glossis adnotantur*.

⁵⁹ *Las siete partidas. Partida segunda, titulo 1, ley 1*: «Imperio es gran dignidad, y noble y honrada sobre todas las otras que los hombres pueden tener en este mundo temporalmente... Y otrosí dijeron los sabios que el emperador es vicario de Dios en el imperio para hacer justicia en lo temporal, bien así, como lo es el papa en lo spiritual».

⁶⁰ *Las siete partidas. Partida segunda, titulo 1, ley 5*: «Vicarios de Dios son los reyes de cada uno en su reino, puestos sobre las gentes para mantenerlas en justicia y en verdad en cuanto a lo temporal, bien así como el emperador en su imperio» (*ibid.*).

держат и должны держать над людьми в своей империи, такая именно, что держат короли внутри своих королевств и майоратов; ведь они (императоры. — *B.T.*) не являются лишь сеньорами, живущими на своих землях, но передающими каждый после смерти власть своим наследникам, поскольку держат сеньорию по наследству; то что императоры не осуществляют никакой власти, кроме той, что получают по избранию, также говорилось прежде»⁶¹.

Понимание королевской власти как власти равнозначной императорской было характерно в рассматриваемое время и для английских юристов. Так, Генри Брэктон (*Bracton Henry*, ? —1268) проводил мысль о том, что над королем нет господина кроме Бога и Закона. «С другой стороны, король сам по себе не должен быть под человеком, — писал он в трактате «О законах и обычаях Англии (*De Legibus Et Consuetudinibus Angliæ*), — но только под Богом и под законом, потому что закон создает королей» (lib. I, cap. 8, f. 5)⁶². В условиях господства в правосознании общества таких воззрений монарх не нуждался в титуле императора для утверждения верховенства своей власти — королевский титул давал ему все идеологические и юридические основания властвовать в своей стране в качестве суверенного государя.

В тех случаях, когда Англия покоряла другие страны, управлявшиеся своими королями, верховенство английского короля над ними закреплялось в эпоху «высокого Средневековья» посредством титула феодального сеньора. Так, английские монархи, начиная с Иоанна I носили помимо титула короля Англии, звание сеньора Ирландии — «*Dominus Hiberniae (Seignour d'Irlande)*».

В результате Англия, официально именовавшаяся в Средние века «королевством», фактически являлась империей, а глава этого королевства, носивший титул короля, оказывался в действительности императором. Данный факт был признан в 1517 г. Кутбертом Танстолом (*Cuthbert Tunstall*, 1474—1559), который с 1515 г. был архидьяконом Честера, а в указанное время исполнял функции королевского посла в Брюсселе. Генрих VIII поручил ему изучить вопрос о возможности для короля Англии занять престол Священной Римской империи вместо

⁶¹ *Las siete partidas. Partida segunda, titulo 1, ley 5*: «Sabida cosa es que todos aquellos poderes que antes dijimos que los emperadores tienen y deben tener en las gentes de su imperio, que esos mismos tienen los reyes en las de sus reinos y mayores, pues ellos no tan solamente son señores de sus tierras mientras viven, mas aún a sus muertes, y las pueden dejar a sus herederos, porque tiene el señorío por heredad, lo que no pueden hacer los emperadores que lo ganan por elección, así antes dijimos» (ibid).

⁶² «Ipse autem rex, non debet esse sub homine sed sub Deo et sub lege, quia lex facit regem» (*Bracton H. De Legibus et consuetudinibus Angliae* / Ed. by G.E. Woodbine and S.E. Thorne. Cambridge, 1968. Vol. 2. P. 33).

императора Максимилиана I Габсбургского (1508—1519), выразившего согласие отречься от престола в случае выплаты ему субсидии. Кутберт Танстол сообщил королю Генриху следующее: «Одним из главных вопросов в избрании императора является то, что избираемый должен быть из Германии, подвластной Империи; в то время как ни ваша Милость не является таковым, ни короли Англии никогда с тех пор, как существует христианская вера, не были подвластны Империи. Но *корона Англии есть Империя в самой себе*, намного лучшая, чем Империя Рима в настоящее время: по этой причине ваша Милость носит куполовидную корону⁶³. И поэтому, если бы вы были избраны, то так как ваша Милость не из Империи, то избрание было бы недействительным»⁶⁴ (курсив мой. — В.Т.).

Проведенный в тексте Акта об ограничении апелляций 1533 г. взгляд на Англию как на королевство, которое являлось империей с самого начала своей истории, не был, таким образом, оригинальным и необычным для английского общества. Он разделялся многими влиятельными сановниками при дворе Генриха VIII, поэтому объявление Англии империей, а ее короля — императором и главой англиканской церкви не рассматривалось в то время в качестве государственной реформы. Между тем в действительности принятие Акта об ограничении апелляций ознаменовало собой начало процесса модернизации государственного строя Англии, который будет продолжаться вплоть до революции 1640—1660 гг.

Термин «*empire*» появился в указанном Акте неслучайно. В эпоху «высокого Средневековья» империей называлось христианское государственное образование, объединявшее территории целого ряда европейских стран и мыслившееся в качестве возрожденной Западной Римской империи. Сочетание данного термина с определениями «священная» и «римская» казалось в то время единственно возможным. Вместе с тем Священная Римская импе—

⁶³ Куполовидную императорскую корону носил и отец Генриха VIII король Генрих VII. Именно в ней он изображался на монетах Английского королевства, чеканившихся с 1487 г. Силуэтом императорской короны была украшена большая печать Эдуарда IV. Сохранился портрет этого монарха с императорской короной на голове: его иллюстрация приведена в конце книги В.В. Штокмар «История Англии в Средние века (СПб., 2000).

⁶⁴ «One of the chief points in the election of the emperor is that he which shall be elected must be of Germany, subject to [the] Empire; whereas your Grace is not, nor never since the Christian faith the kings of England were subject to the Empire. But the crown of England is an Empire of itself, much better than now the Empire of Rome: for which cause your Grace weareth a closed Crown. And therefore if ye were chosen, since your Grace is not of the Empire the election were void» (Original Letters Illustrative of English History. London, 1825. Vol. 1. P. 136).

рия могла быть только одна: любая другая империя, если бы она вдруг была создана, не считалась бы ни «священной», ни «римской». Но, как было показано выше, никакой необходимости объявлять Англию империей и принимать на себя официальный титул императора у верховных властителей этой страны в ту эпоху не было. Титулы короля и верховного сеньора в полной мере отражали природу их власти и давали им все юридические основания, чтобы править полновластно и самостоятельно. В свою очередь и государства, которыми они управляли, вполне укладывались в понятия королевства и сеньории.

Феодальное государство было неотделимо от общества, оно было устроено преимущественно как частно-правовая корпорация: его институты растворялись в сословной организации господствующего класса, а функции государственной власти в большинстве своем оказывались производными от прав на землю. По этой причине в средневековой политико-правовой идеологии отсутствовало понятие государства.

Некоторые историки сделали из этого факта вывод о том, что в Средние века и самого государства не существовало вовсе. Например, английский исследователь Дэвид Гаррисон, констатируя в своей книге «Тюдоровская Англия», что «феодализм превратил все публичные функции в разновидность частной собственности, более того облек всю собственность обязанностью публичной службы», заявил далее: «Это было не только состояние разрешенной анархии, но единственно возможное решение настоятельной проблемы. Поэтому государство было неизвестно Западу в Средние века»⁶⁵. На самом деле в Средние века в западноевропейских странах отсутствовало не государство вообще, а государство в качестве политической корпорации исключительно публично-правового характера.

Акт об ограничении апелляций 1533 г. отразил в своем содержании зарождение в Англии государства нового типа. Английский король предстал в его тексте в качестве независимого от какой-либо внешней власти верховного главы политического организма (*body politic*), наделенного всемогущим Богом всей полнотой властных полномочий в отношении всех лиц, проживающих на территории его королевства, как светских, так и духовных. Термин «*empire*» и появился в этом акте для обозначения элементов такого государства, которое вполне можно назвать «государством Нового времени». Позднее он будет заменен в данном значении терминами «*state*» и «*commonwealth*».

⁶⁵ *Harrison D. Tudor England. Vol. 1. London, 1953. P. 2.*

Процесс модернизации средневекового государства разворачивался в первой половине XVI века и в других европейских странах⁶⁶. И соответственно ему в политико-правовой идеологии появлялись новые понятия. Основопологающим среди них становилось понятие *государства как политического сообщества, организованного на основе публично-правовых принципов*.

Для выражения этого понятия в Италии стал применяться термин «*lo stato*». Впервые его использовали в указанном значении флорентийские мыслители Веспасиано да Бистиччи (*Vespasiano da Bisticci*, 1421—1498)⁶⁷, Никколо Макиавелли (*Niccolo Machiavelli*, 1469—1527)⁶⁸ и Франческо Гвиччардини (*Francesco Guicciardini*, 1483—1540)⁶⁹.

В Англии термин «*state*» употреблялся еще в средневековых документах, но исключительно для обозначения состояния страны или монарха. Таковым оставался его смысл и в документах первой половины XVI в. Однако чаще всего в законодательных актах применялось выражение «это королевство Англия (*this realm of England*)» или просто «это королевство». Английское государство мыслилась в Средние века в качестве явления, неразрывно связанного с носителем верховной государственной власти — как его принадлежность. С XV в. вместо термина «королевство» в английских политических сочинениях иногда использовался термин «*common weal*» или «*common wealth*», но под ним подразумевалось не государство, а скорее объединение различных социальных групп для достижения общего для всех блага. Именно такое значение приписывал словосочетанию «*commonwealth*» английский мыслитель Томас Элиот (*Thomas Elyot*, 1490—1546). В своем сочинении «Книга, называемая Правитель», написанном в 1531 г., он, стремясь точнее

⁶⁶ Во Франции ярким проявлением этого процесса были реформы кардинала Ришелье.

⁶⁷ Веспасиано да Бистиччи применял термин «*lo stato*» для обозначения совокупности политических институтов, обладающих публичной властью и полномочиями применения средств принуждения для поддержания общественного порядка, в оставленных им рукописных текстах жизнеописаний миланского герцога Алессандро Сфорцы и флорентийского правителя Козимо де Медичи. Эти жизнеописания издаются обыкновенно вместе с другими биографиями, написанными Веспасиано. См.: *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV* / Ed. by P. d'Ancona and E. Aeschlimann. Milan, 1951.

⁶⁸ Никколо Макиавелли использовал термин «*lo stato*» в значении «государство» в сочинении «Государь (*Il Principe*)».

⁶⁹ Франческо Гвиччардини употреблял термин «*lo stato*» для обозначения понятия государства в своих «Заметках политических и гражданских (*Ricordi politici e civili*)», написанных в 1528—1530 гг. и впервые опубликованных в 1576 г. (в издании: *Guicciardini Fr. Piu Consigli et Avvertimenti in materia di Republica et di Privata, nuovamente mandati in luce et dedicati à la Regina Madre del Re*. Parigi, 1576).

определить значение термина «public weal», попытался сравнить его с выражением «common weal». По его словам, «между public weal (публичным благом) и common weal (общим благом) может оказаться такое различие в английском языке, какое следовало бы проводить в латинском между терминами “res publica” и “res plebeian”, и если после этого будет употребляться термин “common weal”, то здесь должны быть или только коммонеры благополучными, а благородные и знатные люди терпящими нужду и убогими, или благородные должны быть исключены, все люди должны быть одной степени и категории и обеспеченные новым именем»⁷⁰.

В значении общего благосостояния королевства употреблялось выражение «commonwealth» в Первом Статуте об отмене законов, изданном королевой Марией по восшествии своем на престол — в 1553 г.,. Здесь говорилось, в частности, об отмене «некоторых статуты, изданных в правление короля Эдуарда VI», повлекших быстрое распространение в английском обществе «множества различных и странных мнений и разнообразных сект, вследствие которых возникло великое беспокойство и большое разногласие, ведущее к нарушению commonwealth (общего блага) этого королевства»⁷¹.

После принятия Акта об ограничении апелляций словосочетание «commonwealth» стало использоваться в английских законодательных актах также в качестве синонима термина «empire». Например, в Статуте о прокламациях 1539 г. было объявлено, что король издает прокламации «для того, чтобы существовало единство и согласие среди любящих и повинующихся подданных этого королевства и других владе-

⁷⁰ «And consequently there may appere lyke diuersitie to be in englisshe betwene a publike weale and a commune weale, as shulde be in latin betwene Res publica and Res plebeia. And after that signification, if there shuld be a commune weale, either the comuners only must be welthy, and the gentil and noble men nedy and miserable, orels excluding gentilitie, al men must be of one degre and sort, and a new name prouided» (The Boke named The Governour. Devised by Sir Thomas Elyot, Knight. London, 1531. P. A2r).

⁷¹ Полный текст приведенного фрагмента Статута об отмене законов (First Statute of Repeal) 1553 г. выглядит следующим образом: «An act for the repeal of certain statutes made in the time of the reign of King Edward VI. Forasmuch as, by divers and several acts hereafter mentioned, as well the divine service and good administration of the sacraments as divers other matters of religion which we and our forefathers found in this Church of England, to us left by the authority of the Catholic Church, be partly altered and in some part taken from us; and in place thereof new things imagined and set forth by the said acts, such as a few of singularity have of themselves devised; whereof hath ensued amongst us in very short time numbers of divers and strange opinions and diversities of sects, and thereby grown great unquietness and much discord, to the great disturbance of the commonwealth of this realm» (Statutes of the Realm. London, 1817. Vol. IV. P. 202).

ний, а также заботясь о прогрессе своего commonwealth и добром покое своего народа»⁷².

Во второй половине XVI в. в политическом сознании англичан утвердилось представление об Англии как о некоем самостоятельно существующем политическом сообществе, обособленном, с одной стороны, от монарха, а с другой — от сословной организации. В английской политико-правовой идеологии появилось понятие государства. Для его обозначения английские философы и государственные деятели стали применять уже существовавшие в английской лексике термины — «commonwealth» и «state».

Именно в значении государства — политического сообщества, управляющегося на основе публично-правовых принципов, употреблялось словосочетание «commonwealth» в опубликованном в 1556 г. произведении английского епископа Джона Понета (*John Ponet*, 1514 или 1516—1556) «Краткий трактат о политической власти»⁷³, причем данное словосочетание ставилось здесь иногда в один ряд с термином «state». Так, Дж. Понет писал, обращаясь к читателям: «Вы слышали также о том, как states, bodies politike и common wealthes имеют власть издавать законы для поддержания политического курса»⁷⁴. Очевидно, что слова «states», «bodies politike» и «commonwealthes» выступали в этом случае как синонимы: все они обозначали понятие государства — правда, в разных его оттенках.

В другом месте своего трактата английский мыслитель использовал выражение «commonwealth» в одном ряду с терминами «country» и «realm». «И люди, — утверждал он, — должны иметь больше уважения к своей стране, чем к своему монарху: к

⁷² «An act that proclamations made by the king shall be obeyed. Forasmuch as the king's most royal majesty, for divers considerations, by the advice of his council hath heretofore set forth divers and sundry his grace's proclamations, as well for and concerning divers and sundry articles of Christ's religion as for an unity and concord to be had amongst the loving and obedient subjects of this his realm and other his dominions, and also concerning the advancement of his commonwealth and good quiet of his people» (Statutes of the Realm. London, 1817. Vol. III. P. 726).

⁷³ Полное название данного произведения Дж. Понета следующее: «Краткий трактат о политической власти и об истинном Повиновении, которым подданные обязаны королям и другим гражданским Правителям, с Воззванием ко всем истинно природным Английским людям». На титульном листе первого издания этого сочинения его автор был обозначен лишь буквами. Не было здесь указано и место издания, однако доподлинно известно, что напечатано в Страсбурге: A Short treatise of politike pouuer, and of the true Obedience which subjectes owe to kynges and other ciuile Gouvernours, with an Exhortacion to all true naturall Englishe men, compyled by D. I. P. B. R. VV. 1556.

⁷⁴ «You have heard also how states, political bodies, and commonwealthes have authority to make laws for the maintenance of the policy» (*Ponet J. A Short treatise of politike pouuer...* 1556. P. B iiiii).

государству (*common wealthe*), нежели к какой-либо персоне. Так как страна и государство (*common wealthe*) возвышаются над королем. После Бога люди должны любить прежде всего страну и всё государство (*common wealthe*), чем какого-либо его члена: поскольку короли и принцы (будь они и так велики, как никогда) являются всего лишь членами, и государства (*common wealthes*) могут быть в достаточно хорошем состоянии и процветать, хотя в них и не будет королей; напротив же, без государства (*common wealthe*) не может быть никакого короля. Государства (*common wealthes*) и королевства могут жить, когда голова отрублена, и могут поставить другую голову, то есть создать для себя нового правителя»⁷⁵.

Подобным же образом, то есть в значении политического сообщества или государства, применял словосочетание «*commonwealth*» государственный деятель и правовед Томас Смит (*Thomas Smith*, 1513—1577). В трактате «Об Английском государстве (*De Republica Anglorum*)», написанном между 1562—1566 гг., но впервые напечатанном в 1583 г., он писал о «мутациях и переменах форм правления в государствах (*commonwealths*)», а также о том, что государство (*commonwealth*) приспосабливается к природе человека⁷⁶.

В 60-е годы XVI в. понятие государства вошло в содержание речей, произносившихся на заседаниях английского парламента. Для обозначения данного понятия парламентарии использовали как термин «*commonwealth*», так и слово «*state*». Спикер Палаты лордов Томас Уильямс (*Thomas Williams*) говорил в своем выступлении 3 апреля 1563 г., имея в виду Англию, что «это государство (*commonwealth*) сперва установлено Божественным Провидением»⁷⁷. Его преемник на

⁷⁵ «And men ought to haue more respect to their countrey, than to their prince: to the common wealthe, than to anyone person. For the countrey and common wealth is a degree aboue the king. Next onto God, men ought to loue their countrey, and the whole common wealthe before any member of it: as kinges and princes (be they neuer so great) are but members: and common wealthes may stand well ynough and flourish, albeit ther be no kinges, but contrary wise, without a common wealthe ther can be no king. Common wealthes and realmes may liue, whan the head is cut of, and may put on a newe head, that is , make them a newe gouernour» (*Ponet J. A Short treatise of politike pouuer...* 1556. Ch. IV).

⁷⁶ «By this processe and discourse it doth appeare that the mutations and changes of fashions of gouernement in common wealthes be naturall, and do not alwayes come of ambition or malice: And that according to the nature of the people, so the commonwealth is to it fit and proper» (*De Republica Anglorum. The manner of Government or policie of the Realme of England, compiled by Sir Thomas Smyth Knight, Doctor of both the lawes, and one of the principal Secretaries unto the two most worthy Princes, King Edward the sixt, and Queene Elizabeth. Seen and allowed. At London, Anno Domini 1583. P. 28*).

⁷⁷ A Compleat Journal of the notes, speeches and debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of

посту спикера в новом парламенте Ричард Онслоу (*Richard Onslow*) в речи, произнесенной 2/11 января 1566/1567 г., говорил о том, что «хорошие законы составляют силу государства (*commonwealth*)»⁷⁸. О хороших и необходимых законах, «как для всего Государства Империи вообще, так и для частной выгоды (*as well for the whole State of the Commonwealth in general, as for the private Benefit*)»⁷⁹ упоминал в своем выступлении на заседании обеих палат парламента 18/27 марта 1580/1581 г. тогдашний спикер Палаты лордов Джон Попгэм (*John Popham*). В этой же речи он говорил также о «крайних противниках истинной Религии и наиболее зловредных врагах и опасных врагах самой королевской персоны Ее Высочества, Государства (*State*) и Правительства (*Government*)»⁸⁰.

Появление в политическом сознании английского общества представления об Англии как о политическом сообществе, существующем независимо от монарха, нашло свое отражение и в новой трактовке государственной измены (*high treason*). Вплоть до конца XVI в. под преступлением этого рода понималось деяние, направленное исключительно против персоны короля⁸¹. В начале XVII в. в числе объектов данного преступления стало мыслиться и государство как самостоятельное политическое сообщество. Так, выступая 19 февраля/1 марта 1600/1601 г. на процессе по делу графов Эссекского и Саутгэмптонского, сажант Йелвертон (*serjeant Yelverton*) назвал их преступление мятежом не только против королевы, но против «всего государства Англии (*the whole Estate of England*)»⁸². Подобную мысль высказывали и

Glorious Memory. Collected by that eminent member of Parliament sir Simond D'Ewes, baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple esq. London, 1693. P. 74.

⁷⁸ Ibid. P. 115.

⁷⁹ Journal of the House Commons/ Vol. 1: 1547—1629. London, 1802. P. 137.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Такое понимание государственной измены (*high treason*) было выражено в Статуте «*De prodicionibus*», посвященном измене (*treason*) и принятом в 1352 г. См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Сост. проф. В.А. Томсинов. М., 2004. С. 349—350. В данном законодательном акте государственной изменой объявлялось посягательство не только на самого короля, но и на королеву, старшего сына короля, его старшей незамужней дочери, супруги старшего сына и наследника, канцлера, казначея или королевского судью во время исполнения ими своих служебных обязанностей. Все перечисленные лица были связаны с персоной короля или представляли ее при исполнении своих должностных функций, и именно поэтому посягательство на них рассматривалось как государственная измена. Персона монарха называлась в качестве объекта государственной измены и в актах об измене 1534 и 1571 гг.

⁸² The Trial of Robert Earl Essex, and Henry Earl of Southampton, before the Lords at Westminster, for High Treason, the 19th of February, 1600. 43 Eliz. // A Complete Collection of State-Trials, and Proceedings for High Treason, and other Crimes and Misdemeanours; from The Reign of King Richard II. to The Reign of King

другие участники данного процесса. Например, Фрэнсис Бэкон в ответ на попытки подсудимых доказать, что их действия, представленные как мятеж, не таили в себе какой-либо угрозы королеве, но были направлены исключительно против их личных врагов и имели целью лишь привлечь внимание ее величества к их жалобам, заявил: «Очевидно, что вы, мой лорд Эссекс, посадили в своем сердце претензию против Правительства»⁸³.

Понимание государственной измены (*high treason*) как преступления не только против персоны монарха, но и против государства окончательно утвердилось в правосознании английского общества во время судебного процесса над участниками так называемого «порохового заговора (*gun powder plot*)». Группа приверженцев католической веры (*Robert Winter, Thomas Winter, Guy Fawkes* и др.), недовольных тем, что король Яков I не сдержал своего обещания прекратить притеснения католиков, данного при вступлении на английский престол, замыслила убить его во время выступления на открытии нового парламента. Дата первого заседания парламента неоднократно переносилась и в конце концов была назначена на 5 ноября 1605 г.. Его величество должен прибыть в указанный день на заседание парламента в сопровождении своей супруги и принца. Заговорщики сумели каким-то образом пронести в подвальное помещение парламентского здания 36 баррелей пороха и были готовы взорвать его в тот момент, когда король придет в парламента.

Однако государственный секретарь Роберт Сесил узнал об этом заговоре и принял меры для ареста его участников. В результате заговорщики предстали 27 января/6 февраля 1605/1606 г. перед судом и были приговорены к смертной казни. Выступая на суде с обвинительной речью, королевский юрист (*sergeant at law*) Эдвард Филиппс (*Edward Philips*) назвал в качестве объекта совершенной заговорщиками государственной измены, помимо короля, королевы, принца и их потомства, также Государство (*State*) и (*Government*)⁸⁴. В свою очередь и Генеральный атторней Эдвард Кук в своем обширном выступлении заявил, что эта измена (*trea-*

George II. In six volumes. The third edition, with additions. London, 1742. Vol. 1. P. 198.

⁸³ «It is evident that you, my Lord of *Essex*, had planted a Pretence in your Heart against the Government» (*ibid.* P. 204).

⁸⁴ A true and perfect relation of the whole proceedings against the most barbarous Traitors, Garnet a Iesuite, and his Confederats: containing sundry speeches deliuered by the Lords Commisioners at their Arraignments, for the better satisfaction of those that were hearers, as occasion was offered; the Earle of Northampton's speech hauing bene enlarged upon those grounds which are set downe. And lastly all that passed at Garnets execution. Imprinted at London by Robert Barker, Printer to the Kings most Excellent Maiestie, 1606. P. C2v. (v. — verso, т.е. обратная сторона страницы. — *B.T.*).

son)⁸⁵, если бы был осуществлен ее замысел, «навлекла бы полное разрушение и разорение на целое Государство»⁸⁶.

Утверждение в политической идеологии и в праве Англии понятия государства как политического сообщества, управляющегося на основе публично-правовых принципов, влекло за собой коренную перемену и в юридическом статусе короля. Очевидно, что главой такого государства не мог быть монарх со статусом и прерогативой средневекового короля, выступающего преимущественно в качестве сеньора и связанного с управляемым им политическим сообществом, главным образом, частноправовыми отношениями. Поскольку власть главы государства в средневековой Англии покоилась в значительной мере на частноправовых основаниях, постольку носитель ее рассматривался в политической идеологии и праве исключительно как физическое лицо. Это порождало немало опасностей для государства, главная из которых возникала вследствие смерти короля. Для вступления на престол нового короля требовалось какое-то время: в результате государство оказывалось на определенный срок лишенным главы. Этот период, называвшийся с древнеримских времен интеррегнумом (*interregnum*), был самым тревожным в истории многих средневековых государств, и в том числе Англии⁸⁷.

Как и любой другой сеньор король в средневековой Англии не мог быть преследуемым в своем собственном суде. При этом, однако, вполне допускалось, что он может совершить преступление. Освобождение короля от ответственности за правонарушение наступало только потому, что в распоряжении истцов или обвинителей не было суда, посредством которого можно было бы заставить его платить штраф или нести какое-нибудь другое наказание. Уильям Холдсворс привел в третьем томе «Истории английского права» несколько случаев, показывающих, что и в XIV в., и в XV в. английскими правоведами предполага-

⁸⁵ Э. Кук назвал в своем выступлении эту государственную измену «величайшей изменой, что когда-либо замысливалась в Англии» (*ibid.* P. D2r). Однако в самом английском обществе отношение к «пороховому заговору» 1605 г. не было однозначно отрицательным: у многих англичан замысел взорвать парламент вызывал одобрение. Во всяком случае о Гае Фоксе, которого схватили рядом с порохом, который он готов был поджечь, за несколько часов до начала парламентского заседания, простые люди в Англии долго говорили, что он был «единственным человеком, который когда-либо входил в парламент с достойными намерениями (*the only man ever to enter Parliament with honourable intentions*)».

⁸⁶ «...Would bring vtter destruction and desolation vpon the whole State» (*A true and perfect relation of the whole proceedings against the most barbarous Traitors...* P. D4r.)

⁸⁷ В одной из англосаксонских хроник следующим образом описывается период интеррегнума, наступивший после смерти Генриха I: «Вскоре несчастье распространилось по стране, так как каждый человек, если мог, немедленно грабил другого».

лось, что король может совершить правонарушение⁸⁸. По его словам, воззрение, согласно которому «король, будучи главой государства, является тем не менее физическим лицом без какой-либо разновидности двойной правоспособности, способствовало сохранению влияния феодальных идей, которые в течение всего этого периода окрашивали людские политические взгляды»⁸⁹.

Первая попытка представить короля в качестве не только физического лица, но и политического института, нашла свое выражение в принятом в 1495 г. «Акте, по которому никакое лицо, идущее с королем на войну, не будет обвинено в измене (An Aacte⁹⁰ that noe pson going wth the Kinge to the Warres shalbe attaint of treason)». Согласно этому акту, лицо, присягнувшее королю и принявшее во исполнение присяги участие в войне на его стороне, освобождалось от ответственности за государственную измену перед другим королем⁹¹. Таким образом, по смыслу акта не имело никакого значения, какому физическому лицу — носителю королевского звания оказывалась помощь в ведении войны: основанием для освобождения от ответственности за измену было объявлено служение лицу с королевским титулом.

В период правления Эдуарда VI (1547—1553) возникла юридическая проблема, необходимость удовлетворительного разрешения которой подвигла английских юристов развить заложенную в Акте об измене 1495 г. мысль о короле как политическом институте. Молодой государь передал в аренду на 21 год принадлежавшие короне земельные угодья в Ланкастерском герцогстве. Вступившая на престол после его смерти Мария поставила перед судьями вопрос: обязывает ли ее договор аренды, заключенный несовершеннолетним? Может ли король, который не достиг возраста в 21 год, после которого наступает полная дееспособность по нормам английского права, совершать законные сделки?

В правление Марии этот вопрос решить не успели, окончательное решение по делу о земельных угодьях герцогства Ланкастерского было вынесено только при королеве Елизавете. В 1562 г. Коллегия королевских судей, рассмотрев это дело, признало короля Эдуарда VI, не достигшего совершеннолетия, правомочным распоряжаться землей, полученной им по наследству от своих предшественников на королевском троне.

При обосновании данного решения судьи сформулировали доктрину двух тел короля, предполагавшую, что король имеет в себе два неразрывно соединенных между собой тела: естественное (Body natural), представляющее его физическую персону, и политическое (Body politic), воплощающее королевский статус и власть. Судьи заявили, в частности, что король

⁸⁸ Holdsworth W. History of English Law. London, 1966. Vol. 3. P. 465—466.

⁸⁹ Ibid. P. 468.

⁹⁰ Я сохраняю правописание оригинального текста данного акта.

⁹¹ The Statutes: Revised edition. London, 1870. Vol. 1. P. 363—364.

«имеет тело естественное, украшенное и облеченное королевским статусом и достоинством, и он не имеет тела естественного, отличного и само собой отделенного от королевской должности и достоинства, но тело естественное и тело политическое вместе неразделимы, и эти два тела инкорпорированы в одной персоне и создают одно тело, а не разные, то есть тело корпоративное в теле естественном и, напротив, тело естественное в теле корпоративном. Так что тело естественное посредством присоединения к нему тела политического (которое содержит королевскую должность, правительство и королевское величие) увеличивается и путем указанной консолидации имеет в себе тело политическое»⁹².

Дальнейшее развитие доктрины двух тел короля в английской юриспруденции было связано с делом Роберта Кальвина (Calvin's case)⁹³, шотландского ребенка, родившегося вскоре после того, как король Шотландии Яков VI стал еще и английским королем по имени Яков I.

В 1607 г. опекуны Роберта Кальвина — Джон и Уильям Паркинсон — подали в Суд Королевской Скамьи и в Канцлерский суд два иска о возвращении их подопечному принадлежавших ему на правах фригольда и незаконно у него отобранных двух земельных участков на территории Англии. Оба ответчика оправдывали свои действия тем, что Роберт Кальвин, будучи в Англии чужестранцем, не присягал на верность Якову I как английскому королю и по этой причине не имел права держать землю в этой стране. Очевидно, что в условиях, когда Англия и Шотландия сохраняли свой статус двух самостоятельных государств, несмотря на то, что управлялись одним и тем же королем, решение этой проблемы зависело от понимания сущности королевской власти. Если короля рассматривать в качестве исключительно физической персоны, то присяга Якову VI как шотландскому королю автоматически означает присягу ему и как королю английскому. Если же короля трактовать в качестве политического тела, то присяга королю Шотландии Якову VI не является одновременной присягой ему как английскому королю.

⁹² «So that he (the king. — B. T.) has a body natural adorned and invested with the estate and dignity royal, and he has not a body natural distinct and divided by itself from the office and dignity royal, but a body natural and a body politic together indivisible, and these two bodies are incorporated in one person and make one body and not divers, that is, the body corporate in the body natural *et e contra* the body natural in the body corporate. So that the body natural by the conjunction of the body politic to it (which body politic contains the office, government and majesty royal) is magnified and by the said consolidation hath in it the body politic» (The Commentaries, or Reports of Edmund Plowden, of the Middle-Temple esq., an Apprentice of the Common Law: containing divers Cases upon Matters of Law. In Two Parts. Part 1. London, 1816. P. 213).

⁹³ По некоторым свидетельствам подлинное имя человека, давшего повод для указанного дела, писалось как Colville, но при рассмотрении дела оно было записано как Calvin..

В качестве консультанта истцов в этом деле выступал знаменитый философ и правовед Фрэнсис Бэкон (*Francis Bacon*, 1561—1626). Он отстаивал идею о неразделимости естественного тела короля и его политического тела и при этом цитировал мнение судей по делу об аренде земель герцогства Ланкастерского о том, что в короле имеется не одно политическое тело, но есть тело естественное и политическое вместе⁹⁴.

Данное мнение поддержал в своем решении по делу Кальвина Эдуард Кук, в то время Главный Судья Общих Тяжб (*Chief Justice of the Common Pleas*). После этого он задался вопросом, какому телу — политическому или естественному — приносится присяга в верности⁹⁵, и показал, что присяга дается королю как естественному телу и, следовательно, подданные Англии и Шотландии присягают одному и тому же суверену.

Указанный вывод подкреплялся не только логикой, но также историческими фактами. В средневековом английском праве король мыслился как исключительно естественное тело, физическое лицо, и поэтому именно с этим качеством короля были связаны феодальные атрибуты его власти, в том числе и привилегия требовать присяги себе от своих подданных. Идея же политического тела короля выражала новые тенденции в эволюции государственного строя Англии, появившиеся в первой половине XVI в.

Опираясь на эту идею, английские правоведы стали со второй половины XVI в. создавать юридическую конструкцию королевской власти, соответствовавшую государству Нового времени. Король в этой конструкции оказывался бессмертным и непогрешимым, неспособным совершать правонарушения.

Судьба королевства, в форме которого выступало в Средние века Английское государство, в огромной степени зависела от короля как физического лица.

Судьба нового Английского государства, обозначавшегося терминами «state» и «commonwealth», была связана, главным образом, с качествами короля как политического тела. Это преимущество новой конструкции государственного строя хорошо понимали английские правоведы. Джон Марш (*John Marsh*, 1612—1657), например, писал весной 1642 г.: «Так как существует такое взаимное и взаимозависимое отношение

⁹⁴ «There is in the King not a body natural alone, nor a body politic alone, but a body natural and politic together: Corpus incorporatum in corpore naturali, et corpus naturale in corpore incorporato» (*The Works of Francis Bacon* / Ed. by James Spedding. Garrett Press, 1968. P. 667).

⁹⁵ Дословно Эдуард Кук сказал на процессе следующее: «Seeing the King hath but one person, and several capacities, and one politic capacity for the realm of England, and another for the realm of Scotland, it is necessary to be considered, to which capacity ligeance is due (Понимая, что у короля есть только одно лицо и несколько дееспособностей, и одна политическая дееспособность для королевства Англии, а другая — для королевства Шотландии, необходимо рассмотреть, к какой дееспособности относится присяга в верности)».

между королем и его королевством, что один не может существовать без другого, потому что если позволить королевству быть разрушенным, король должен по необходимости также рухнуть. Если господин умирает, его отношение со слугой неизбежно должно прекратиться: так как эти родственники не могут существовать один без другого. И если королевство ослабевает, король и скипетр должны неизбежно рухнуть вниз. И это есть частичное основание для той правовой политики в деле Кальвина (7 Rep[orts] (Эдуарда Кука. — *B.T.*), по которой король является телом политическим, чтобы не было бы интеррегнума, так как тело политическое никогда не умирает»⁹².

Признание короля публично-правовым институтом влекло за собой настоящий переворот и в вопросе королевской прерогативы. В средневековом английском праве правомочия, преимущества и привилегии королевской власти привязывались к королю как физическому лицу — теперь прерогативой должен был обладать и король как политическое тело. Иначе говоря, конструкция королевской прерогативы должна была приобрести двойственный характер.

Первые десятилетия XVII в. были поэтому в истории Английского государства периодом **реконструкции**. О том, как совершалась эта реконструкция и почему она вылилась в конце концов в **революцию**, пойдет речь в следующей статье о государственном строе Англии накануне революции 1640—1660 гг.

⁹² «For there is such a reciprocall and dependent relation, betwixt the King and his Kingdom, that the one cannot subsist without the other, for if they permit the kingdom to be destroyed, the King must of necessitie be ruined also. If the Master die, the relation of a servant must needs cease: for that relatives cannot subsist, the one, without the other. And if the kingdom fail, the King and Scepter must needs fall to the ground. And this is, in part the reason of that policy of Law, in the 7. Rep. *Calvins* case, that the King is a body politick, lest there should be an *interregnum*; for that a body politique never dieth» (*Marsh J. An argument or, debate in law: of the great question concerning the militia; as it is now settled by ordinance of both the Houses of Parliament. By which, it is endeavoured, to prove the legalitie of it, and to make it warrantable by the fundamentall laws of the land. In which, answer is also given to all objections that do arise, either directly, or collaterally concerning the same. All which is referred to the judicious reader. L., 1642. P. 27*).